

На актерско-режиссерском курсе С.В.Женовача этот спектакль именуют "КВЭП". Под загадочной аббревиатурой скрывается название комедии Шекспира "Как вам это понравится". Привычная площадка спектакля – сцена Учебного театра "ГИТИС" в Гнездииковском, а совсем недавно "Как вам это понравится", был показан в Театральном центре "На Страстном". "КВЭП" с удовольствием смотрит не только студенческая аудитория, но и московские театралы, и театральные критики. Спектакли "Мастерской Женовача" – едва ли не самые интересные события сезона. Своими впечатлениями о комедии "Как вам это понравится" делится Алексей Бартошевич.

– Два года назад вы читали лекции по Шекспиру студентам Женовача. Студенты-режиссеры – это ведь особая аудитория?

– Вообще, режиссер – естественный собеседник для театроведа, и лично у меня нет специальной методики для режиссерской аудитории. Это как-то получается само собой: все равно волей неволей говоришь о разных интерпретациях, больше рассказываешь о современных спектаклях.

– Если говорить о самой комедии, кажется, театры обращаются к ней не так часто. Почему?

– "Как вам это понравится" ставят действительно редко. Это связано с ее уж слишком буколически идеальным тоном, кроме того, это просто трудная для постановки пьеса. Но так как эта комедия написана молодым Шекспиром, она, конечно, о молодых. В ней играет дух молодого брожения и опьяненности жизнью. Играть в комедиях Шекспира и должны актеры, у которых еще молоко на губах не обсохло, которые только вступают в жизнь. В комедиях Шекспира люди все переживают в первый раз – влюбляются, ревнуют, страдают. Отсюда и особая "ин-

Алексей БАРТОШЕВИЧ:

«Режиссер – естественный собеседник театроведа»

тенсивность" их эмоционального мира. И конечно, это лучше всего способны передать на сцене мальчики и девочки.

– Было ли в спектакле "Как вам это понравится" режиссера-дипломника Александра Коручекова то, что вас удивило как шекспироведа?

– А вот как раз этот самый дух молодости, вложенный в замечательно и четко выстроенные формы. В очень ярко очерченные линии мизансцен, в систему этих очаровательных воздушных шаров. Я помню, как они появились – еще на экзамене через голову публики летели эти камушки с шариками и сразу вырастал Арденнский лес! Это простая и замечательная идея, ведь мир в этой пьесе сам вот-вот улетит, куда захочется. Но придумать-то этот лихой и точный момент можно, а как выстроить в спектакле всю систему лейтмотивов с шариками – другой вопрос. Но и она выстроена! Шарик – это и козочки, и пульсирующее сердце, и склянка с ядом. И это сделано не только изящно и изобретательно, но и по-настоящему профессионально. Ведь здесь можно говорить о некоем изобразительном решении спектакля, а не просто о забавной находке.

– Провокационный вопрос: в этом спектакле есть тот Шекспир, о котором вы рассказывали ребятам на лекциях?

– В спектакле я увидел именно то, о чем мы с ребятами и говорили. Что совсем не удивительно, ведь основа-то одна –

текст пьесы. Вот, например, вечный вопрос: почему Орlando не узнает Розалинду? На этот вопрос существует масса ответов. В спектакле Марии Осиповны Кнебель и Николая Павловича Хмелева Орlando только делал вид, что не узнает Розалинду, и они начинали играть, наслаждались поисками взаимопонимания. Это была игра в кошки-мышки, где каждый из влюбленных был и кошкой, и мышкой. В спектакле "женовачей", на мой взгляд, на этот вопрос есть вполне очевидный ответ: Орlando так упоен собой, он так себе самому нравится, что где уж ему узнать Розалинду, которая к тому же надела джинсы и шапку подростка. Так что психологически это абсолютно оправданно. Как оправданно и то, что Розалинда огорчается и обижается, когда он ее не замечает. Так что, это не только театральная условность, это оправданно человечески, иначе было бы просто скучно – осталась бы одна цирковая игра и жонглирование шариками. Совсем другое дело, если эта игра психологически увлекательна, разумеется, с оттенком молодой влюбленности и юного, прелестного эротизма.

Другой извечный вопрос: почему Жак в финале не уходит из леса и остается наедине со своей мазохистской меланхолией? Он что, лишний раз убеждается в собственной правоте, в том, что мир ужасен, отвратителен, что если уж человеку даны

эти самые семь ролей – от пукающего ребеночка до маразматика, так никуда ему и не деться? В этом спектакле все очень понятно: он с теми, кому плохо, кто несчастен. Сперва он с одним герцогом, затем с другим. Он не с победителями, а с побежденными. И это очень точный и правильный мотив. Кстати, он вполне женовачевский. "Король Лир" на Малой Бронной был об этом же.

– Алексей Вадимович, вы зорко наблюдаете за "Мастерской Женовача" вот уже почти четыре года, бываете на всех зачетных показах и спектаклях. Как вы думаете, возможно ли на основе этого курса создание театра-студии?

– Не то что возможно, но я считаю, что и необходимо. Я понимаю все трудности, всю сложность ситуации. Как раз с будущего года начнет осуществляться реформа, в результате которой массу театров предлагается закрыть, и возникнет гигантская актерская безработица. (Вздыхает.) Но в данном случае мне кажется, что театр как таковой уже создан (вопрос в том, будет ли он оформлен организационно или нет). Ведь это не просто совокупность дипломных постановок, это совокупность спектаклей, которая рождает ощущение и художественного, и психологического и, если угодно, морального целого. И та идея совместности, объединения, которая есть в спектакле "Мальчики" по роману "Братья Карамазовы" Достоевского, ощущается в каждой работе Мастерской, поэтому, мне кажется, обязательно надо найти способ – как бы это ни было трудно и утопично, – продлить жизнь курса. Я думаю с большой печалью, как это несправедливо, что пройдет каких-нибудь 5 месяцев, и ни "Обло-мовщи-ны...", ни "Поздней любви", ни "Как вам это понравится", ни "Мальчиков" не будет. (Пауза.) Как это скверно, глупо и, повторяю, страшно несправедливо. Я очень надеюсь, что курсу Женовача удастся стать театром.

Беседовала Анастасия АРЕФЬЕВА

Экран и сцена –